

Н. С. Лесков . Обойденные

Роман в 3-х частях

Лесков Н. С. Собрание сочинений в 12 т.
М., Правда, 1989, том 3, с. 3-278.
OCR: sad369 (г. Омск)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

КРЮЧОК ПАДАЕТ В ВОДУ

Этот русский роман начался в Париже и вдобавок в самом приличном, самом историческом здании Парижа – в Лувре. В двенадцать часов ясного зимнего дня картинные галереи Лувра были залиты сплошно и очень пестрою толпою доброго французского народа. Зала мурилевской Мадонны была непроходима; на зеленых бархатных диванах круглой залы тоже не было ни одного свободного места. Только в первой зале, где слабые нервы поражаются ужасной картиной потопа, и другая, не менее ужасной картиной предательского убийства – было просторнее. Здесь, перед картиной, изображающей юношу и аскета, потребающих в пустыне молодую красавицу, тихо прижавшись к стене, стоял господин лет тридцати, с очень кротким, немного грустным и очень выразительным, даже, можно сказать, с очень красивым лицом. Закинутые назад волнистые каштановые волосы этого господина придавали его лицу что-то такое, по чему у нас в России отличают художников. С первого взгляда было очень трудно определить национальность этого человека, но, во всяком случае, лицо его не рисовалось тонкими чертами романской расы и скорее всего могло напомнить собою одушевленные типы славянского юга.

В трех шагах от этого незнакомца, прислонясь слегка плечиком к высокому табурету, на котором молча работала копировщица, так же тихо и задумчиво стояла молодая восхитительной красоты девушка, с золотисто-красными волосами, рассыпавшимися около самой милой головки. Эта стройная девушка скорее напоминала собою заблудившуюся к людям ундину или никсу, чем живую женщину, способную считать франки и сантимы или вести домашнюю свару. Наряд этой девушки был прост до последней степени; видно было, что он нимало не занимал ее больше, чем наряд должен занимать человека: он был очень опрятен и над ним нельзя было рассмеяться.

– Насмотрелась? – произнес по-русски тихий женский голос сзади никсы.

Молодая девушка не шевельнулась и не ответила ни слова.

– Я уже два раза обошла все залы, а ты все сидишь; пойдем, Дора! – позвал через несколько секунд тот же голос.

Этот голос принадлежал молодой женщине, тоже прекрасной, но составляющей резкий контраст с воздушной Дорой. Это была женщина земная: высокая, стройная, с роскошными круглыми формами, с большими черными глазами, умно и страстно смотрящими сквозь густые ресницы, и до синевы черными волосами, изычно оттеняющими высокий мраморный лоб и бледное лицо, которое могло много рассказать о борьбе воли со страстями и страданиями.

Девушка привстала с приножка высокого табурета художницы, поблагодарила ее за позволение посидеть и сказала:

– Да, я опять расфантазировалась.

– И что тебе так нравится в этой картине? – спросила брюнетка.

– Вот поди же! Мне, знаешь, с некоторого времени кажется, что эта картина имеет не один прямой смысл: старость и молодость хоронят свои любимые радости. Смотри, как грустна и тяжела безрадостная старость, но в безрадостной молодости есть что-то ужасное, что-то... проклятое просто. Всмотрись, пожалуйста, Аня, в эту падающую голову.

– Ты везде увидишь то, чего нет и чего никто не видит, – отвечала брюнетка с самой доброй улыбкой.

– Да, чего никто не хочет видеть, это может быть, но не то, чего вовсе нет. Хочешь, я спрошу вот этого шута, что его занимает в этой картине? Он тут еще прежде меня прилип.

Та, которая называлась Аней, покачала с упреком головою и произнесла:

– Тсс!

– Сделай милость, успокойся, не забывай, что он ничего этого не понимает.

Дамы вышли налево; молчаливый господин посмотрел им вслед, весело улыбнулся и тоже вышел. Они еще раз встретились внизу, получая свои зонтики, взглянули друг на друга и разошлись.

Через две недели после этой встречи известный нам человек стоял, с маленькой карточкой в руках, у дверей омнибусного бюро, близ св. Магдалины. На дворе был дождь и резкий зимний ветер – самая неприятная погода в Париже. Из-за угла Магдалины показался высокий желтый омнибус, на империале которого не было ни одного свободного места.

– Начинается номер седьмой! – крикнул кондуктор.

Наш луврский знакомый подал свою карточку, вспрыгнул в карету, и полный экипаж тронулся снова, оставив все дальнейшие номера дрогнуть на тротуаре или греться около раскаленных железных печек бесприютного бюро.

В карете, vis-a-vis {лицом к лицу {франц.}} против нового пассажира, сидели две дамы, из которых одна была закрыта густым черным вуалем, а в другой он тотчас же узнал луврскую ундину; только она теперь казалась раздраженной и даже сердитой. Она сдвигала бровями, кусала свои губки и упорно смотрела в заднее окно, где на сером дождевом фоне мелькала козлиная фигурка кондуктора в синем кепи и безобразных вязанных рукавниках, изобретение которых, к стыду великой германской нации, приписывается добродетельным немкам. Дама, закрытая вуалем, плакала. Хотя густой вуаль и не позволял видеть ни ее глаз, ни ее лица, а сама она старалась скрыть свои слезы, но их предательски выдавало судорожное вздрагиванье неповиновавшихся ее воле плеч. При каждом таком, впрочем, едва приметном движении Дора еще пуше сдвигала брови и сердитее смотрела на стоящую в воздухе мокрядь.

– Это, наконец, глупо, сестра! – сказала она, не вытерпев, когда дама,